

Вауерия
Брайт

Рой

**НА ОСКОЛКАХ
ПРЕДАТЕЛЬНОСТИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерия Брайт

Рой. На осколках предательства

«Автор»

2025

Валерия Брайт

Рой. На осколках предательства / Валерия Брайт — «Автор»,
2025

В тот момент, когда я узнала, что значит быть преданной, он появился. Рой — самоуверенный мажор с наглой улыбкой и привычкой получать всё, чего захочет. Он вошёл в мою жизнь, как шторм, склеил моё разбитое сердце... чтобы потом снова разбить его вдребезги. Я долго сопротивлялась чувствам, но однажды сдалась. И очень быстро поняла — зря. Потому что доверие — это роскошь. А я снова оказалась обманута. Это история о том, как любовь может ранить. И как тяжело научиться снова верить.

© Валерия Брайт, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерия Брайт

Рой. На осколках предательства

Глава 1

Ева

Иду домой поздно, как обычно. В наушниках играет что-то спокойное, но я почти не слышу – мысли гудят сильнее музыки. Телефон в руке. Большой палец автоматически обновляет чат.

"Мне нужно сказать тебе что-то важное."

"Олег, ты видел, что я тебе написала утром?"

"Пожалуйста, просто ответь."

Бессмысленно. Ни одной галочки, ни одной реакции. Пустой экран, холодный. Я не злюсь – устала. Даже обижаться больше не хватает сил. Просто хочется закрыть глаза и исчезнуть на пару часов. Сегодня был ужасный день, чувствую себя отвратительно. Людей в кофейне было много и уже не могла дождаться когда пробыет двенадцать ноль ноль и я как золушка сбегу домой.

Сворачиваю к своему району – два поворота и знакомая арка, где пахнет влажным цементом после дождя. Здесь по вечерам темно, фонари тусклые, как будто тоже выгорели от рутины. Уже почти перешла улицу, когда вдруг сквозь музыку в наушники доносится лай собак. Снимаю наушники и оборачиваюсь. Из темноты вылетает котёнок – маленький, рыжий комочек. Он бежит в мою сторону, как вспышка огня, у самой земли. За ним – минимум три псины. Огромные дворняги. Разъярённые, будто с цепи сорвались. Погоня проносится мимо меня, и я тут же срываюсь следом.

– Эй, вон пошли! – ору на собак.

Блин, и вокруг абсолютно никого. Я бегу за котенком и за мгновение до того, как одна из шавок щёлкает пастью рядом с ним, я хватаю его обеими руками. Он визжит – тоненько, в ухо, когти пронзают кожу через куртку. Но держу его крепко.

Поворачиваюсь, чтобы убежать обратно, но – поздно. Глухое рычание. Зубы. Глаза, как у чудовищ из кошмаров. Пячусь назад, прижимая котёнка к груди. Натыкаюсь на бетонную стену.

– Уходите... Уходите! – голос дрожит, но я всё равно кричу. – Пошли прочь!

Никого вокруг. Ни одного окна со светом, ни одного прохожего. Снимаю с плеча небольшую сумочку и начинаю замахиваться на собак пытаюсь хоть как то защитить и себя и дрожащий комочек в руках. Металлическая застёжка звонко щёлкает о воздух. Делаю шаг вперёд – напуганная, но злая, больше от бессилия, чем от смелости. Сумка хлещет в сторону ближайшей собаки – она отшатывается, но ненадолго. Одна собака бросается вперёд – останавливается буквально в шаге. Вторая обходит слева. У меня нет ни палки, ни перцового баллончика.

Вдруг слышу рев мотоцикла. Резкий, агрессивный, как удар по нервам. Свет – вспышка фар вырывает тени из темноты. Вылетает из-за поворота и проносится мимо нас. Затем со свистом тормозит и уже в следующее мгновение летит к нам. Он останавливается у тротуара, резко, с визгом тормозов. Байкер в чёрной куртке и шлеме с тёмным стеклом протягивает мне руку.

– Запрыгивай!

– Держись крепче, – говорит парень, и в тот же миг мы срываемся с места. Даже не думаю. Цепляюсь за руку, прижимаю котёнка к груди, вжимаюсь в узкое сиденье, обхватываю водителя за талию. Собаки снова рычат, ближе, злее. Одна уже готова к прыжку.

И я вдруг понимаю, что тоже. Ветер хлестает по лицу. Асфальт под колёсами плывёт как река. Позади – лай, бешеный, злобный, но всё дальше, дальше, пока не сливается с ночной тишиной. Прижимаюсь к спине байкера, ощущая, как греет его тело через кожаную куртку. Котёнок тихо пищит в моих руках – живой.

Мчимся по ночному городу. Неоновый свет размазывается по шлему, асфальт под колёсами будто течёт. В лицо бьёт ветер, в глазах слёзы – от страха или от скорости, уже не пойму. Сжимаюсь за его спиной, крепко держась, чувствуя, как напряжены его плечи.

Петляем по пустым улицам, пока, наконец, он не тормозит у какой-то стройки или промзоны. Металлический забор, мусор, запах пыли и бензина. Он глушит байк, и всё вокруг снова тонет в тишине.

– Слезай, – коротко бросает он.

Спрыгиваю, осторожно, всё ещё прижимая к груди котёнка. Парень встаёт, сдёргивает шлем, и в первый момент я вижу только растрёпанные тёмные волосы. Свет фонаря очень тусклый и разглядеть его лицо не получается, но по голосу поняла, что раздражен.

Он резко пинает носком кросовка по какому-то валяющемуся камню – тот с грохотом отлетает в сторону.

– Блядь ... – сквозь зубы. – Профукал всё. Просто охрененно.

Потом резко оборачивается, смотрит на меня, будто только что вспомнил, что я вообще здесь. Он делает пару шагов, раздражённо выдыхает, будто сдерживает взрыв.

– Тише, маленький, тише... Я спасла тебя, всё хорошо, – шепчу, пряча рыжика под ветровку. Котёнок дрожит, как осиновый лист, уткнулся мордочкой мне в грудь. Глажу его ладонью, стараясь не показать, что сама до сих пор на грани паники.

– Ты больная, что ли?! Чего одна в такое время?! – орёт байкер, скидывая шлем на бак мотоцикла.

Поворачиваюсь к нему резко.

– Это ты больной! – на автомате срываюсь в ответ. – Чего орёшь на меня? Не видишь, малыш и так напуган?!

Он подступает ближе.

– Ты реально... ради этой мелкой твари? – показывает подбородком на котёнка. – Ты вообще головой думала? Хотела, чтоб тебя порвали?

– Ну не порвали же! – выпаливаю. – Ты ж типа герой, спас меня, нет?

Он резко выдыхает, как будто я его ударила.

– Кстати, “спасибо” сказать не хочешь?! Или слишком гордая?!

– Спасибо! – рявкаю я и тут же разворачиваюсь, прижимая котёнка крепче. Шаг. Второй. Не знаю, куда иду, просто хочу подальше от этого типа, который сперва появился из ниоткуда, вытащил нас из дерьма, а теперь сам орёт так, будто это я во всём виновата.

Ну и чего он на меня орёт? Я и так на нервах, сердце грохочет до сих пор, котёнок в шоке. Рыцарь, блин. Спас, и теперь как будто лицензия у него на то, чтобы на меня срываться. – Козёл! – бурчу себе под нос, злюсь. Всё внутри кипит.

– Нормально... Потерял к чёрту своё время, а теперь ещё и козёл.

Я едва не спотыкаюсь. Ой... Думала, не услышал. Я ж не прям в голос, вроде... Но молчу. Не оглядываюсь. Только шаги по асфальту и бешеное биение сердца.

Герой, чертов!

– Ты куда пошла? Стой!

Не оборачиваясь показываю средний палец и иду прямо.

Глава 2

Ева

Иду быстро, почти бегу, хотя сама не знаю куда. Асфальт скользкий, прохладный ветер дергает подол куртки, а котёнок в руках всё так же дрожит, прижавшись ко мне, будто прилип. Сердце колотится от злости, от страха, от унижения. Ну и козёл! Спас, покричал, выставил душой – и ещё умудрился обидеться!

Позади снова рев мотора, слишком близко. Я оборачиваюсь. Байк тормозит рядом. Фара режет темноту, парень кидает мне раздражённый взгляд из-под шлема.

– Ты куда собралась, а? – Грубо говорит мне. – Я вообще-то с тобой разговаривал.

– Подальше от тебя – рычу, не останавливаясь.

– Ты хоть знаешь, где находишься?! – кричит мне вдогонку. – Ночь, район стрёмный.

Куда ты идёшь?!

– Да хоть к чёрту на рога, не твоё дело! – огрызаюсь, но голос звучит уже не так уверенно.

– Садись, давай. – тон снижается, но остаётся твёрдым. – Скажи, куда тебя отвезти, и я тебя отвезу. Домой, в приют, хоть на Луну. Только не делай вид, что ты тут супервумен.

– Не надо мне никуда! – упрямо, обиженно бурчу. – Рыцарь нашелся.

Он хмыкает, скептически кричит мне:

– Ну иди, иди. Может, снова какие-то псы подберутся. Или хуже... Удачи тебе, бесстрашная.

Останавливаюсь. Оборачиваюсь к нему. Блин прав же! Могу злиться сколько угодно, но... понятия не имею где я, и как добраться домой. И у меня уже нет сил бодаться. Сглатываю гордость, выдыхаю.

– Ладно – голос чуть тише.

– Прыгай. Подхожу к нему и он тут же кивает.

Сажусь, аккуратно.левой рукой держу рыжика, правой – ставлю ладонь на его плечо, как-то неловко, будто извиняюсь.

– Держись нормально, а то слетишь к чёртовой матери. – бурчит он, не оборачиваясь.

Закатываю глаза, но обхватываю его сильнее, прижимаюсь к нему, вжимаясь, насколько это возможно, в его куртку. Тёплую, кожаную, чуть шершавую. От неё пахнет бензином и дождем. И ещё – едва уловимый запах сигарет, смешанный с нотками бергамота.

Ну почему, чёрт возьми, от него пахнет моим любимым бергамотом?! – мысленно проклиная свою слабость.

– Оставь меня там же, где и подобрал. – бросаю, перекрикивая гул.

Он не отвечает. Просто слегка кивает, будто уже устал от этого разговора. Рёв мотора снова разрывает тишину ночного города, и мы мчимся сквозь пустынные улицы, мимо редких фонарей, будто скользим по самому краю сна и реальности.

– Спасибо, – говорю раздражённо, даже не смотрю на него. У той же арки, где “рыцарь” спас меня, останавливается резко, даже не притормаживая плавно. Байк замирает, но мотор он не глушит. Спрыгиваю быстро, чуть не уронив всё ещё прижавшегося ко мне котёнка.

– Да пожалуйста! – с таким же раздражением бросает в ответ, и в следующий миг уже срывается с места, оставляя за собой шлейф звука и аромата своего одеколona...

Стою пару секунд, глядя, как задний фонарь исчезает за поворотом, и только потом резко разворачиваюсь. Котёнок шевелится, тычется носом в ладонь, тихонько пищит.

– Всё хорошо, малыш... – шепчу ему, хоть сама ещё трясусь.

Захлопываю дверь за спиной и прислоняюсь к ней спиной. Быстро иду к своему подъезду. Шлёпанье кроссовок по асфальту отдаётся эхом в пустом дворе. Под фонарём мелькает тень.

Сердце всё ещё колотится, будто я не спаслась, и за мной еще гонятся. Подхожу к двери, ловлю ключи наощупь и быстро открываю.

– Вот и дома, – выдыхаю, наконец. В квартире пусто, мама сегодня в ночную.

Глава 3

Глава 3

Ева

Я иду быстро, почти бегу, хотя сама не знаю куда. Асфальт скользкий, прохладный ветер дергает подол куртки, а котёнок в руках всё так же дрожит, прижавшись ко мне, будто прилип. Сердце колотится от злости, от страха, от унижения. Ну и козёл! Спас, покричал, выставил дурой – и ещё умудрился обидеться!

Позади снова рев мотора, слишком близко. Я оборачиваюсь. Байк тормозит рядом. Фара режет темноту, парень кидает мне раздражённый взгляд из-под шлема.

– Ты куда собралась, а? – Грубо говорит мне. – Я вообще-то с тобой разговаривал.

– Подальше от тебя – рычу, не останавливаясь.

– Ты хоть знаешь, где находишься?! – кричит мне вдогонку. – Ночь, район стрёмный. Куда ты идёшь, а?!

– Да хоть к чёрту на рога, не твоё дело! – огрызаюсь, но голос звучит уже не так уверенно.

– Садись, давай. – тон снижается, но остаётся твёрдым. – Скажи, куда тебя отвезти, и я тебя отвезу. Домой, в приют, хоть на Луну. Только не делай вид, что ты тут супервумен.

– Не надо мне никуда! – упрямо, обиженно бурчу. – Рыцарь нашелся.

Он хмыкает, скептически кричит мне:

– Ну иди, иди. Может, снова какие-то псы подберутся. Или хуже. Удачи тебе, бесстрашная.

Останавливаюсь. Оборачиваюсь к нему. Блин прав же! Могу злиться сколько угодно, но... понятия не имею где я, и как добраться домой. И у меня уже нет сил бодаться. Сглатываю гордость, выдыхаю.

– Ладно – голос чуть тише.

– Прыгай. Подхожу к нему и он тут же кивает.

Сажусь, аккуратно.левой рукой держу рыжика, правой – ставлю ладонь на его плечо, как-то неловко, будто извиняюсь.

– Держись нормально, а то слетишь к чёртовой матери. – бурчит он, не оборачиваясь.

Закатываю глаза, но обхватываю его сильнее, прижимаюсь к нему, вжимаясь, насколько это возможно, в его куртку. Тёплую, кожаную, чуть шершавую. От неё пахнет бензином и дождем. И ещё – едва уловимый запах сигарет, смешанный с нотками бергамота.

Ну почему, чёрт возьми, от него пахнет моим любимым бергамотом?! – мысленно проклинаю свою слабость.

– Оставь меня там же, где и подобрал. – бросаю, перекрикивая гул.

Он не отвечает. Просто слегка кивает, будто уже устал от этого разговора. Рёв мотора снова разрывает тишину ночного города, и мы мчимся сквозь пустынные улицы, мимо редких фонарей, будто скользим по самому краю сна и реальности.

– Спасибо, – говорю раздражённо, даже не смотрю на него. У той же арки, где “рыцарь” спас меня, останавливается резко, даже не притормаживая плавно. Байк замирает, но мотор он не глушит. Спрыгиваю быстро, чуть не уронив всё ещё прижавшегося ко мне котёнка.

– Да пожалуйста! – с таким же раздражением бросает в ответ, и в следующий миг уже срывается с места, оставляя за собой шлейф звука и аромата своего одеколлона ...

Стою пару секунд, глядя, как задний фонарь исчезает за поворотом, и только потом резко разворачиваюсь. Котёнок шевелится, тычется носом в ладонь, тихонько пищит.

– Всё хорошо, малыш... – шепчу ему, хоть сама ещё тряусь.

Захлопываю дверь за спиной и прислоняюсь к ней спиной. Быстро иду к своему подъезду, почти бегу. Шлёпанье кроссовок по асфальту отдаётся эхом в пустом дворе. Под фонарём

мелькает тень. Сердце всё ещё колотится, будто я не спаслась, и за мной еще гонятся. Подхожу к двери, ловлю ключи наощупь и быстро открываю.

– Вот и дома, – выдыхаю, наконец. В квартире пусто, мама сегодня в ночную.

Глава 4

Глава 4

Ева

Бросаю сумку в гостиной на диван. Прохожу сразу в кухню. Достаю блюдце, молоко из холодильника и наливаю Рыжику.

– Будешь со мной жить, кроха? – поглаживаю легонечко, пока он принюхивается. – Мама наверное будет против, но постараюсь её убедить.

Да. Его имя. В этот момент из сумочки раздаётся звонок телефона. Вскрываю, почти бегу. Только бы Олег... Только бы он...

– Малая, что делаешь? – ленивый голос. Растянутый. Будто это не ночь, а воскресный полдень и мы просто болтаем ни о чём.

Говорю на вдохе, будто боюсь, что он снова исчезнет, если замолчу. – Ты куда пропал?! – срываюсь сразу. – Я тебе писала, звонила, не один раз!

– Я уже появился. Соскучился... – растягивает слова, как жвачку. – Скоро заеду, выходи на улицу.

Ошарашенно смотрю на часы. Без пятнадцати два.

– Ты нормальный вообще? Время видел?! – говорю сдавленно. – Я не сплю только потому, что... – решаю не говорить почему я вообще только что вошла в дом. – Просто... хотела с тобой поговорить. Это важно. Но давай уже завтра, пожалуйста, я устала.

На том конце – тишина. Потом сухое фырканье, обида, которой не должно быть.

– Ясно с тобой... И чё там сказать хотела? Говори уже...

Делаю вдох. Глубокий, полный. Ладонь крепко сжимает телефон.

– Олег... Тут такое дело... – голос предательски дрожит. В горле – тугой ком, будто я проглотила камень. Отворачиваюсь к стене. Не хочу видеть ни своё отражение, ни мир. Чувствую как будто делаю что-то неправильное. – Мне кажется... у нас будет ребёнок. – немного тише произношу и замираю в ожидании ответа.

На том конце молчание. Такое плотное, что звенит в ушах. Слышу, как гудит холодильник в кухне. Как где-то капает вода.

– Олег? Ты слышишь? – не выдерживаю этой тишины.

– Я слышу... но с чего это у "нас"? – холодно, будто льдом по позвоночнику.

– В смысле?! – Не верю. Просто не верю, что он такое говорит. – Ты был у меня первым. Единственным. Это твой ребёнок, Олег! Наш!

На том конце – смешок. Тихий, противный. Как будто я – шутка.

– Так, а вот сейчас стоп. – его голос становится жёстким. – Я не собираюсь становиться папой. И вообще, мне рано быть отцом. Так что избавься от него, ясно?

Меня подкашивает. Я хватаюсь за край дивана, иначе просто рухнула бы.

– Что?... – выдыхаю еле слышно.

– Ты знаешь, – продолжает он без капли стыда, – я даже ради твоей смазливой мордашки и упругой попки прощу тебе всё. Давай не будем портить себе жизнь, а продолжим с того, где остановились.

– Малая, я ж тебя тоже люблю. И сверху, и снизу, и вообще в любой позе! Нам же офигенно вместе! – Да ты сволочь! – голос рвётся наружу, сорванный, хриплый. – Как я могла так ошибиться в тебе?! Полюбить...

Меня будто ударили по лицу. Кладу ладонь на живот – неосознанно, защитно, как будто прячу того, кто внутри, от его слов. От этой мерзости.

– Какая ж ты тварь! – почти шепчу. – Надо было тебя бросить в первый же день, когда ты высказал мне своё недоверие по поводу нашей первой ночи...

– Так, Ева, ты же взрослая девочка, – начинает он с издёвкой. – Мы это обсуждали. Нам хорошо, особенно в постели. Я тебя ни к чему не принуждал и никаких обещаний не давал. Что сейчас за предъявы? Ладно, окей, допустим, это мой ребёнок...

Моё тело трясёт. Я будто пытаюсь удержать свою душу, чтобы она не вывалилась из трещины в груди. – Он и есть твой! – выкрикиваю резко, зло, голос срывается.

– Допустим... – тянет он и снова делает этот раздражающий вдох, как будто устал от разговора. – Я ж тебе говорил, по поводу детей. Ты должна была пить таблетки. Ты же говорила, что пьёшь!

Слёзы наворачиваются на глаза, моргаю. Не хочу сейчас плакать. – Мне от них было плохо! – выкрикиваю, срываясь. – Меня тошнило, я не могла! Пару дней их не пила. Даже не подумала, что это так быстро работает. ...

– Ты подумай... Наберёшь, если что. – Ну вот видишь, ты не подумала! – как будто победил в споре. – Так, а я тут при чём? Я тебе чётко объяснил, что к чему. Всё, хватит мне тут ныть. Избавься от него. Тем более ты молодая, красивая – ещё успеешь. Жизнь одна. Надо развлекаться, пока время есть. Молчание. Потом последнее:

Медленно сползаю на пол и упираюсь спиной в диван. Колени поджимаю к груди, обнимаю себя. Дрожу. Словно меня облили ледяной водой. Я просто отключаю звонок, не хочу его больше слышать. Всё размывается перед глазами. Ощущаю только, как по щеке медленно стекает слеза. Одна. Потом ещё одна. Губы дрожат. Кажется почти не дышу. Только сжимаю телефон, будто он виноват в его словах. Резко, почти в ярости, бросаю его на диван. Не разбила. Жаль.

Как так? Я думала он любит...

Что теперь?... Где-то в глубине квартиры котёнок снова подаёт голос – еле слышное, жалобное мяуканье. Он, похоже, единственный сейчас, кто рядом. Сердце колотится в груди, а в мыслях один единственный вопрос.

Глава 5

Ева

Всю ночь проревела – натянула одеяло до подбородка и глотала слёзы в подушку, чтобы не слышать собственного рыдания. Хорошо, что мамы не было дома. Она бы сразу раскусила, что случилось, и началась бы допросная, а потом обнимательная. Сейчас я не вынесла бы ни того, ни другого.

Утром с трудом поднялась на пары – тело будто налилось свинцом, веки отекали так, что глаза превратились в щёлки. Всё плывёт, как в тумане.

Прости, кроха. Мне сейчас бы себя не потерять. Долго стою у двери ванной, глядя на Рыжика. Он сидит на коврик, поджав хвост, смотрит на меня с такой наивной верой, будто я – его спасение. Просто закрываю малыша там – оставляю мисочку с водой и блюдце молока, старое полотенце сворачиваю в гнездо. Он снова тихонько мяукает, когда я прикрываю дверь.

Долго у нас ни один не задерживался. Перед выходом пишу маме: "Тебя дома ждёт сюрприз. Не ори. Он пушистый." И уже представляю, как она закатывает глаза с тем самым «ну опять...», но потом всё равно улыбается. Ей не привыкать – я таскаю котов с улицы с детства. Мама потом всех пристраивала: кому на дачу, кого соседям, один вообще уехал с мамиными друзьями в другой город.

У подъезда тормозит новенький серебристый Porsche Cayenne, сияющий на утреннем солнце, как обложка из глянца. Садясь на пассажирское сиденье, я чувствую, как кожа кресла прохладная через джинсы, и даже это ощущение будто слишком острое для моего нервного тела.

– Мать моя канарейка! – восклицает Сима, уставившись на меня в шоке. – Ты что, ревела всю ночь?!

– Вот же зараза... – бормочу себе под нос. Даже тоналка не спасла. Только подчеркнула усталость. Молча киваю, опускаю козырек и смотрю на своё отражение. Ну точно – два опухших фонаря вместо глаз. Кожа землистая, губы пересохшие.

Симка вжимает газ – и мы трогаемся. В салоне пахнет её духами – чем-то цветочно-сладким, дорогим, как всегда. Она уже до пар успела сделать ламинирование ресниц, а идеальный пучок на затылке держится, как скульптура.

– Олег – скотина, – говорю наконец. Слова тяжёлые, словно выдавливаю их из себя. – Сказал избавиться от ребёнка.

– Ты что, всё рассказала ему?! – Сима чуть не сворачивает на обочину. – Зачем? Надо было сначала убедиться. Взяла какой-то тест за три копейки и сразу выпалила ему, что беременна. А если просто тест бракованный? И тошнило тебя совсем не от этого?

– Ага, – мрачно бросаю. – И задержка тоже не от этого. И грудь болит, потому что просто болит. Конечно. Просто совпадение, ага.

– Ев, ты маленькая, что ли? – раздражённо качает головой. – Почему ты меня не послушала? Я тебе говорила: сначала спокойно, потом решай. Ну хоть одно хорошее – избавилась от придурка, который мне никогда не нравился.

Закрываю глаза и откидываю голову назад, прислоняясь к прохладному стеклу окна. Но как только в памяти снова всплывает вчерашний разговор с Олегом, его голос, его "избавься от него", – в груди будто сжимается железный обруч. Глоток воздуха не проходит, сердце толкается, как загнанная птица.

Зря. Слёзы тут же подступают. Тепло набегаёт под веки. Сжимаю кулаки в кармане худи, пытаюсь сдержаться. Я устала рыдать. Устала страдать по тому, кто оказался... ничем. А главное – всё это началось не вчера. Не тогда, когда я дрожащим голосом сказала ему, что, воз-

можно, беременна. Нет. Всё началось раньше. Намного раньше. Просто я упорно не хотела видеть. Проглатывала, сглаживала, оправдывала.

Но в итоге убедилась. Самостоятельно. И почему-то от этого не становится легче – наоборот, больше. Глупее. Грязнее. Сима тогда пыталась меня отрезвить, говорила: "Не спеши. Не будь такой доверчивой." А я только обижалась и верила. Как дура. Думала: "Ты просто его не знаешь. Он другой со мной."

А он... Раздавил. Разбил на мелкие осколки. Я ведь влюбилась по-настоящему. Без фальши, без игр. Отдалась ему – телом, сердцем, мыслями. Вся, без остатка. Как будто всё, что у меня было – душа, надежды, нежность – я просто сложила в ладони и протянула ему.

Не на него даже. На себя. Что не сказала, не доказала, не говорила ему что не прав. И даже тогда, в ту первую ночь, когда всё случилось, он не поверил мне. Не поверил, что был первым. Что я пришла к нему не просто так. "Не может быть, – сказал. – Чё-то как-то быстро, и ты вела себя не как девочка в первый раз." А я что? Я ведь правда не знала, как должна себя вести. Просто была с тем, кого любила. Но больше всего болит не это. А то, что я тогда промолчала. Не стала спорить. Не заплакала. Даже не обиделась – пыталась улыбнуться, спрятать обиду, скрыть унижение. А ведь... я действительно тогда впервые почувствовала, что мне сделали больно не телом – душой. Что он не поверил, не захотел поверить. А потом, когда вернулась домой, заметила на нижнем белье кровь. И тогда меня накрыло. Стыд. Ужас. И ярость.

– Блин! – шепчу, уткнувшись в ладони. Не хочу даже вспоминать...

Сима бросает на меня косой взгляд, сбавляя скорость.

– Эй... Дыши. Дыши, Ев. Мы разберёмся, ладно? Я с тобой. Всё будет хорошо.

Я не отвечаю. Просто киваю, сжав губы, чтобы не расплакаться окончательно.

Глава 6

Ева

Сима паркуется, и мы выходим из машины. Весенний утренний воздух прохладный, но уже не колючий – пахнет талым асфальтом и чужими духами. Солнце бьёт в глаза, отбиваясь от капота припаркованных машин, и я щурюсь, натягивая капюшон на голову. Впереди размытый гул голосов, смех, стук подошв – потоки студентов сгущаются у небольших ворот, кто-то уже курит на ходу, кто-то жуёт круассан на бегу, кто-то, как и мы, просто плетётся без особого энтузиазма.

Протискиваемся с толпой ближе к проходной. Я зеваю в кулак – ночь без сна всё же даёт о себе знать – и вцепляюсь в ляжку рюкзака, будто он способен удержать меня в этой реальности.

Ненадолго прощаемся – она на юрфак, я на эконом. Идти в разные корпуса – почти как жить в параллельных мирах. У большого фонтана, в самом центре двора, Сима тянется ко мне с улыбкой, и я обнимаю её крепко, с напускной бодростью, будто не хочу, чтобы она видела, как мне всё ещё плохо.

– Эй, бесстрашная, – вдруг доносится до меня насмешливый голос. – Меня не хочешь так обнять?

У фонтана стоит небольшая компания – как всегда гогочущие, ухоженные, самоуверенные. Одеты по последнему крику богатеньких родителей: брендовые куртки, кроссы, причёски, улыбки с отбеливанием и прищуром. Кучка мажоров, одним словом. Те, на кого я старалась вообще не смотреть – не мой круг, не мой воздух. Резко оборачиваюсь, будто меня дёрнули за нитку. Голос узнаю сразу, хоть и не хочу признавать этого.

– Это тебе Рой?! – шепчет Сима, вскидывая брови и едва сдерживая смех.

– Кто?

– Ну тот, кто про «бесстрашную» сказал. Роман Власов. Его все Роем зовут. Вы знакомы?

Только вот не думала, что он окажется... из этой компании. – Не знаю я никакого Роя! – бурчу, отворачиваясь от всей этой сцены. Не признаюсь, что знаю этот голос. В темноте и в шлеме я не разглядела лица, но голос... он вжегся в память. Это он. Тот самый вчерашний “рыцарь”.

– Всё, родная, давай, а то опоздаем, – торопливо целую Симку в щёку и почти бегом направляюсь в сторону своего корпуса. Главное – улизнуть, пока не началось лишних вопросов.

– А меня, бесстрашная? – снова тот же дерзкий голос вдогонку. – За спасение!

А внутри всё дрожит – не от страха, нет. От раздражения. От того, как легко он пробрался под кожу. От того дурманящего запаха бергамота. Только сильнее вжимаюсь в капюшон. Вот сейчас бы не оглядываясь показать ему фак – и было бы справедливо. Но нет, я сдерживаюсь. Делаю вид, будто это вообще не мне. Пусть думает, что обознался. Пусть думает, что я уже забыла.

Телефон дребезжит в руке. Машинально открываю сообщение от Симки:

«Чего не договариваешь? В этот раз точно в нашу сторону. И явно не мне. После пар всё расскажешь! Хочу знать, как это ты с Роем познакомилась, а я ничего не знаю!»

Закатываю глаза и чуть улыбаюсь – Симка, блин. Чует носом, когда я что-то скрываю. Засовываю мобильный в карман худи, глубоко вздыхаю и захожу в корпус. Голова гудит от недосыпа. Привычный гул универа сейчас чертовски раздражает.

Лестница – как марафон. Каждый шаг даётся с усилием, а в голове крутится одно и то же. Я будто проживаю вчерашний разговор снова и снова. Его голос, его смешок, его колючие слова. Господи как же больно! Сажусь на своё место, открываю тетрадь. Профессор уже говорит что-то о денежных потоках и коэффициентах, но мне будто в уши вату набили.

Как забыть того, кого не можешь выкинуть из сердца?

Злюсь на себя что не могу отрубить все и просто забыть. Разум цепляется за крошки чувств, которые всё ещё сжимаются под рёбрами, как будто можно выдавить из них хоть каплю надежды.

И я растаю. Просто. От его голоса, от того, как он смотрит. Олег мудака. Но я всё равно жду. Подсознательно. Жду, что он появится у моего подъезда, с букетом роз, нет ромашек. И скажет виновато: "Извини, малыш. Был пьян и нес бред. Я люблю тебя."

И мне сразу станет легче. Или... Или подкрадётся сзади, в кафейне. Обнимет так мягко и нежно. Прижмётся губами к макушке и прошепчет: "Прости."

Но этого не будет.

Олег никогда не просил прощения. Никогда не дарил цветов. Он даже не знает что я люблю ромашки. Он не интересовался. Ему просто было удобно. А я – удобная. И сейчас сердце сжимается до боли, потому что я знаю – он не придёт. Не позвонит. Не напишет. Не любит. И не любил. А я всё равно смотрю в телефон. И всё равно надеюсь. Как дура.

Глава 7

Ева

Сбежать от Симки после пар не получилось – она уже стоит у выхода из корпуса и сверлит меня взглядом, будто я ей жизнь задолжала.

– Тааак... – вытягивает слова, делая шаг навстречу. – Быстро колись. Сейчас же.

– Да там и рассказывать-то нечего... – пытаюсь отмахнуться, перекидывая рюкзак на другое плечо.

– Ага, "нечего", конечно. – Она поднимает бровь. – Тогда объясни мне, почему Рой, мать его, подошёл ко мне и стал про тебя расспрашивать?

Но не тут-то было – Симка хватает меня за лямку рюкзака и притормаживает прямо посреди прохода к воротам. – Сама не в курсе. – мямлю и ускоряю шаг, как будто расстояние спасёт.

Говорит это с такой интонацией, будто выиграла миллион и теперь проверяет, не сошла ли с ума. – Стой. Ты вообще слышала? Рой. Лично. Сам. Ко мне. Подошёл.

– Ну и? – бурчу, опуская взгляд на кеды.

Она щурится, будто пытается просканировать меня на предмет тайных связей с мафией. – Ну и?! Да он раньше меня вообще не замечал! Я для него как тень. А тут подходит, улыбается и такой: «Это твоя подруга?» Ты понимаешь, насколько это... не в Роевском духе? Это во-первых. А во вторых, дорогая моя, что бы там у вас не произошло беги от него подальше девочка. Этот демон хуже твоего Олега.

– Да блин, Симка-а-а. Нет у нас ничего. Ты не забыла я с Олегом... Была... А вчера вечером этот твоей Рой помог мне спастись от злой стаи собак а затем меня отвез домой.

– Ну, там история такая... Короче, спас он меня. И домой довёз. Всё. – Каких собак? —

Симка вскидывает руки, словно я только что призналась, что снялась в сериале про киборгов.

– Ну не прям просто так... За «спасибо». – пытаюсь пошутить, но это звучит жалко даже в моих ушах. – Рой. Помог. И отвёз. И просто так?

– Ага. Щас. – смотрит на меня, прищурившись. – Ты вообще понимаешь, что такой, как Власов, просто так, ничего не делает?

– Да без разницы мне, кто он. И чего он хочет. Честно. Не знала до вчерашнего дня и жить без него собираюсь дальше, как и жила.

– Ага, расскажешь потом. – Симка резко разворачивается, щёлкает брелком – её порш отзывается коротким «пик». – Едем в аптеку. Купим нормальные тесты. А потом – ко мне. Ты мне варишь свой фирменный латте с кокосовым молоком и слушаешь, как НЕ надо вести себя с такими, как он. У меня уже был один с его рожей и манерами.

Я закатываю глаза.

– Конечно обломится. –фыркает она и залезает в машину. – Мы то больше не собираемся заводить дружбу с такими мудаками как твой Олег, как мой придурок бывший, и как этот Рой. – Да брось ты. Мне этот Рой – как фон из коридора. С чего ты вообще разогналась? А если он чего-то там планирует, то обломится ему!

Я усаживаюсь рядом и хлопаю дверью. Машина трогается, и мне хочется верить, что впереди действительно только кофе, тесты и немного здоровых мозгов в комплекте.

Думать сейчас о чем-то кроме полосок на тесте, не могу. И как сказать маме, если все-таки их там снова будут две. Только недавно мама говорила мне, когда я в очередной раз пришла к трем ночи, после посиделок с Олегом:

– Так давай только не как я в 18 с младенцем на руках. Тебе образование получить надо. – И легонько щелкнула меня по лбу.

– Ну ма-а-ам. – тогда обиделась я, что она мне так не доверяет.

А вот тебе и “ма-а-ам”!

На телефон тут же приходит сообщение от мамы, словно она чувствует, что я думаю о ней.

Ты как? Дома когда будешь? Твой сюрприз жалобно мяукает и хочет чего-нибудь вкуснее молока. Так что прикупи корма для своего дитяти. И раз притащила, приучи его к лотку! Не собираюсь натывать на его бомбочки! Сегодня снова в ночную, подменяю коллегу. Поцеловала, обняла. Будь мне умничкой.

Пищу в ответ.

Жива, здорова. Еду к Симке. Дома буду вечером. Люблю тебя.

Хотела добавить: *И кстати, с Олегом мы расстались, как ты давно мечтала.* Но решила потом ей об этом рассказать. Сначала понять станет она бабушкой или нет.

Глава 8

Ева

Сажу на закрытом унитазах, кутаюсь в махровую кофту, которую мне дала Сима. Потому что меня трясет и морозит. Ноги дрожат, даже несмотря на то, что обута в тёплые носки с лисами – которые я подарила подруге на Новый год. Для апреля месяца слишком холодно. Хотя это просто от ожидания наверное. Тест лежит на раковине, как проклятие, как бомба с таймером. Минута прошла. Осталось чуть-чуть. Или всё уже видно? Я не хочу подходить. Не хочу знать. Хочу остановить время здесь, в этом странном между.

– Сколько ещё? – спрашиваю глухо, больше для того, чтобы заглушить грохот в голове.

– Секунд тридцать, может меньше, – отвечает Симка, прислонившись к дверному косяку. Она держит руки в карманах своей чёрной кофты, выглядит спокойной, но я её знаю – она переживает сильнее, чем показывает. Грызёт щёку изнутри. Почти всегда так делает, когда нервничает.

– Чё так долго-то... – цокаю, глядя в пол, на коврик с сердечками у ванной.

– Это ты просто уже всё себе накрутила.

Я фыркаю, даже смеюсь чуть, но как-то по-деревянному.

– Ну серьёзно, Ев, – Сима вздыхает. Затем задумчиво добавляет: – Вот чего я реально не понимаю: почему тебя так тянет на мудаков?

– Что? – поднимаю голову, не сразу врубаюсь.

– Ну серьёзно. Этот твой Олег... Блин, он старше тебя на семь лет, а мозгов – ноль. Только и может что распускать руки, строить из себя жертву и гнать на тебя, будто ты ему что-то должна. И теперь Рой... Господи, этот вообще с приветом.

Я напрягаюсь, чувствую, как внутри что-то будто щёлкает.

– Ты это меня сейчас обидеть хочешь? – голос звучит чуть резче, чем хотелось.

– Нет, – Сима сразу машет рукой. – Просто размышляю. По фактам. Тебя будто магнитом тянет на самых токсичных. Я не с упрёком. Просто мне страшно за тебя. Я же рядом и всё вижу.

Молчу. Потому что, чёрт возьми, она права. Глупая я и наивная. Почему после всех слов Олега я всё ещё, как полная идиотка, жду... Сама не знаю чего... В груди засел этот странный режим ожидания. Как будто должно случится, что-то хорошее. Я стискиваю губы, чтобы не зареветь.

– Давай уже посмотрим, – говорю наконец. Встаю. Ноги ватные. Сердце так стучит, будто сейчас выскочит наружу.

Подхожу к раковине. Медленно тяну руку. Хватаю тест. Переворачиваю.

Одна.

Одна чёртова полоска.

Выдыхаю. Не понимаю – это облегчение? Или пустота? Или и то, и другое сразу?

– Ну? – Сима подходит ближе.

– Одна, – выдыхаю. – Только одна.

Она кивает, молча, будто тоже не знает, как реагировать.

– Ты чего? – спрашивает. – Ты... довольна?

– Я не знаю, – говорю честно. Потому что правда – не знаю. У меня как будто внутри что-то отключилось. Я так долго была в режиме паники, в тревоге, в этой невыносимой неизвестности, что теперь даже не понимаю, радоваться мне или рыдать.

– Радуйся дурёха!!! – обнимает меня Сима.

– Ага, – криво улыбаюсь.

– Это нужно срочно отпраздновать!

Одновременно с её словами в прихожей раздаётся звонкий трель телефона. Мы обе вздрагиваем о неожиданности. Я напрягаюсь чувствую, праздник отменяется.

– Блин... – ворчу и иду в комнату.

На экране – пропущенный от Кати, моей коллеги. И почти сразу следом приходит голосовое. Слушаю.

«Ев, привет... Прости, что так срочно, но мне капец как плохо, я подвернула ногу, опухла вся. Можешь выручить? Пожалуйста, смена с четырех, я не дойду...» и несколько рыдающих смайлов. Мы с Каткой работаем уже год вместе. И начальство привыкло уже что в любой момент мы подменяем друг друга.

– Ну вот, – выдыхаю и смотрю на Симку с извиняющейся миной. – Праздник отменяется. Придётся бежать.

Симка провожает меня до двери, поправляя пряди, которые уже выбились из ее пучка. Хотя я-то знаю – минут через пять она снова распустит их и выложит селфи с подписью «день без драмы».

– Ну чё, герой, иди, спасай Кофе-лавку. Только обещай мне, что хоть вечером нормально отдохнешь. И завтра не будешь похожа на панду.

Обнимаю её крепко-крепко. Она пахнет кокосом и шоколадом – привычно и уютно.

– Всегда, моя ты лапа. – чмокает меня в щечку. – Спасибо, что всегда рядом, – шепчу.

На улице слегка моросит, и я натягиваю капюшон, пряча лицо в ткань. Дождливая неделя. Бесит. Еду до центра на маршрутке, трясёт, как на телеге, но в голове всё ещё греется мысль: «Одна полоска». Всё могло быть совсем по-другому. Права Симка, всегда на панике и не обдуманно поступаю. Хотя может и к лучшему, что поспешила. Теперь хоть знаю с кем встречалась. И что бы я дела, если бы реально залетела?

Через полчаса уже захожу на привычную улицу. Иду вдоль ряда небольших магазинов и витрин. Передо мной появляется знакомая вывеска – «Кофе-Лавка». Тёплые жёлтые огоньки под козырьком, облупившаяся деревянная дверь, которую шеф никак не доберётся перекрасить. Внутри пахнет карамелью, молотым кофе. Всё как всегда. Даже если у меня на душе торнадо, «Кофе-лавка» всегда кажется островком стабильности.

Прячу рюкзак под барную стойку, надеваю фартук, и окунаюсь в привычную атмосферу. Здесь меня никто не спросит про тест, про Роя, про Олега. Здесь мне просто надо варить кофе. И иногда – улыбаться. Даже если внутри всё скребёт.

Пока никто ничего не заказывает. Проверяю телефон. Слышала, что пришло несколько сообщений.

И вдруг – голос у самого уха. Тот самый. Резкий, с чуть хрипотцой, будто ему вечно лень говорить громко.

– Привет, Бесстрашная.

Глава 9

Рой

Я за рулём, Кирилл развалился на переднем сиденье, покручивает зажигалку с черепом. Сзади Серега обнимает каких-то девок – вроде с вчерашней тусовки, но я даже не вспомню, как их зовут. Тим со своей на хвосте, катит за нами. После пар вылетаем с пацанами в тату-салон – Кирюхе, срочно приспичило накатать себе какую-то фигню на шею. Спрашивать зачем – бесполезно, он сам не знает, просто "в голове загорелось".

– Слушай, – начинает Кирюха, чиркая зажигалкой, – я всё понимаю, брат, но как ты, мать его, вчера вылетел? Ты же орал, что Костяной у тебя в зеркале будет до конца гонки!

– Да говорил же – неприятность помешала, – отмахиваюсь, глядя на дорогу.

– Ага, неприятность, – влезает Серёга с ехидной ухмылкой. – У Роя, походу, совесть проснулась. Дичь, конечно.

– У меня всё спит, кроме реакции, – ухмыляюсь в ответ. – Просто не рассчитал чуть. С кем не бывает.

– Не рассчитал? – фыркает Кирюха. – Да ты обычно Костю как школьника делаешь. Это чё за "неприятность" такая, а?

– Психованная. Думал ее там собаки сожрут. Вернулся из-за неё. А она какую-то тварь мелкую полезла спасать.

– Так ты хоть "неприятность" эту наказал? – Снова ржет Серега.

– Еще накажу! – уверенно говорю, вспоминая мелкую заразу, из-за которой вчера продул.

Сегодня утром, пока сидел у фонтана с Серегой, и ждали Кирилла, показалось, что увидел вчерашнюю супервумен. Вспомнил, как она у заброшки решила сама топать домой, когда я сорвался на нее, что продул. Тогда правда в темноте вообще не разглядел ее лицо, но зато когда подвез к арке, обратил внимание на ее мордашку. Вроде бы как ничего особенно. Но и чем-то зацепила, раз не выход из головы. И именно она, как мне показалось, у фонтана с подругой обнималась.

– Эй, Бесстрашная, меня не хочешь так обнять? – решил проверить.

Резко обернулась. Бам! Точно она. С таким же взглядом, будто мне пять жизней спасла, и я до сих пор ее должник. А не как было – наоборот. Ну ничего, твое наказание еще впереди. Героиня Марвела, блядь

Расколоть ее подругу не удалось, но есть люди по сговорчивей. И уже к концу пар я узнал, что Бесстрашную зовут Ева, учится на экономическом, на втором курсе, подрабатывает в какой-то кофейне. Как раз с пацанами наведемся. Посмотрим работает сегодня или нет.

К четырём заезжаем в эту ее "Кофе-лавку". Снаружи – ну, прям убого: облезлая вывеска, какие-то кашляющие кусты у входа. Девки сразу начинают крутить носами.

– Рой, ты чё, серьезно? Мы сюда?

– Ага. – толкаю дверь и мы вваливаемся внутрь.

Но внутри неожиданно атмосферно: дерево, мягкий свет, играет какой-то невыносимо спокойный джаз. Но мне не интерьер нужен.

Ева стоит вполоборота у стойки, в том же худи что и утром, в черном фартуке. Склонив не много голову, одной рукой поправляют волнистое каре, в другой телефон и что-то быстро листает большим пальцем. Подхожу вплотную:

– Привет, Бесстрашная, – тяну с усмешкой, наклоняясь через стойку так близко, что чувствую запах её шампуня – что-то свежее, как жасмин.

Реакция – бесценна. Она вздрагивает, резко оборачивается, глаза – как фары, но моментально выравнивается и натягивает это своё ледяное выражение.

– Что будете заказывать? – говорит ровно, будто видит меня в первый раз. Будто я обычный лысеющий бухгалтер в обеденный перерыв, а не тот самый, что вчера спас ей задницу.

– Серьёзно? – прищуриваюсь. – Мы будем делать вид, что не знакомы? Ах ты...

– Мы и не знакомы, – парирует без запинки. Даже не мигает. – Так что?

– Слушай, ты не актриса. У тебя на лице всё написано. Узнала. Признала. Злишься. Только вот не пойму с чего бы?

Она цокает и кладёт ладони на стойку.

– Ты собираешься заказывать, или просто отнимаешь моё время? У меня вообще-то работа.

– Собираюсь, – ухмыляюсь. – Например, твоё внимание. На вынос, пожалуйста.

– Ага. Мимо, герой! – закатывает глаза Бесстрашная. – Эта позиция в меню не для такого как ты.

– Это почему же? Я, вообще-то, клиент. Законный. Платёжеспособный. И, кстати, очень...

– Се-ень! – вдруг резко разворачивается к парню за кофе машиной. – Прими заказ у клиента.

Ни слова. Ни взгляда. Я остаюсь стоять, залипая. Она реально сейчас продинамила меня? И – бам. Не дожидаясь ответа, уходит через дверь «Только для персонала».

Серёга за спиной ржёт:

– Вот это ты красиво ушёл в игнор, брат. Не твой день?

– Сильно. Её бы с таким ледяным холодом на дрифт. – со взглядом эксперта смотрит на ту самую дверь Кирюха.

Я поворачиваюсь:

– Зато лед тает быстро. Особенно под моим жаром. Так что слюни подобрали, и вот, ваших угостите капучино. – киваю в сторону недовольных девок.

А сам проскальзываю следом за Бесстрашной, пока Сенечка занят у стойки толпой, подвалившей как раз вовремя.

Глава 10

Ева

Чтобы не видеть самодовольную ухмылку вчерашнего «спасителя», выскальзываю за дверь и почти бегом ухожу на склад. За спиной слышу приглушённый гул кофемашины и болтовню клиентов, пар из-под капучинатора и хриплый смех компании Власова. Но на складе тихо. Почти гробовая тишина. Только сердце барабанит в груди, как бешеное.

Если честно, к флирту в кофейне я давно адаптировалась. Иногда парни кидаются комплиментами, кто-то оставляет щедрые чаевые, кто-то просто развлекается. Я научилась с этим жить – улыбаюсь, отшучиваюсь, и всё это мимо, по касательной. Но с Роем всё иначе. Мне от него ничего не надо. Ни его ухмылки, ни его понтов, ни его внимания. Особенно внимания. Он вообще раньше не появлялся здесь, а тут вдруг – приперся, будто так и надо. И с кем? С компанией, которая выглядит так, будто потерялась по дороге на афтепати в люксовом клубе. Глянцевые, шумные, чужие.

Но дело даже не в нём. Не только. Причина, по которой я сбежала это сообщение от Олега. Смотрю на экран: "Давай поговорим" и голосовое сверху. Сдавленно фыркаю. Теперь ему, значит, вдруг захотелось поговорить. И очень сильно хочу просто удалиться не слушая, не стараясь понять, что ему от меня нужно. Но пальца сами тянутся, и в следующую секунду, делаю глубокий вдох, уперевшись плечом в холодный металлический стеллаж, включаю сообщение:

– Я так обдумал... Наверное, ребёнок – это всё же неплохо. Да и мать моя заколебала: когда внуки, когда внуки... – его голос спокойный, будто обсуждает прогноз погоды. – Так что давай обсудим. Только я хочу быть уверен, что он мой. Ну там, ДНК, тесты, всё как положено.

И резко тишина. Держу телефон в руке, глядя в одну точку на стеллаже, будто там ответ на вопрос: какого чёрта? Пальцы немеют. Как будто кто-то вылил на меня ведро холодной воды. Он правда думает, что может так просто – посчитать, взвесить, «обдумать»... И потом решить, как выгоднее. И всё это с тоном, будто обсуждает покупку машины с пробегом.

А чего ты ожидала наивная дурочка? Какие слова ты хотела услышать в этом сообщении? Как же мерзко. Он не спрашивает, как я. Не извиняется за свои крики. Не говорит ни слова о том, как я вообще себя чувствую. Зато сразу: тесты, ДНК, его мать.

Глаза щиплет, но я не буду плакать! Хватит! Итак из-за него всю ночь проревела. И всё равно... пока убираю телефон обратно в карман, предательски по щеке скатывается слеза. Быстро. Почти незаметно. Я её тут же стираю тыльной стороной ладони. Злюсь на себя. На свое глупое сердце, которое все еще таило маленькую надежду, что Олег осознает свою ошибку. Злюсь. До дрожи в пальцах.

– Вот же урод! – произношу громко, резко смахивая ладонью слёзы, которые непрошено щекочут щеки.

– Сама то себя в зеркало видела! – снова этот голос за спиной. Он что издевается?!

– Ты что, вообще офигел? – разворачиваюсь резко, чуть оступаясь, и толкаю его в грудь руками. – Это склад. «Только для персонала». Написано же. Читать не умеешь? Или ты решил что тебе все дозволено!

– Решил, что мне все дозволенно! – ухмыляется, нарочито медленно повторяет, делая шаг ко мне. Его взгляд скользит по моему лицу, неприятно обжигая.

– Ты больной? – снова толкаю его. На этот раз с усилием. Он чуть покачивается, но даже не теряет равновесия. – Уходи прочь!

Голос срывается на крик. Горло перехватывает, слёзы вновь наворачиваются, и я ненавижу себя за эту слабость.

– Тебе что от меня нужно, а? Исчезни, говорю тебе! – снова наступаю, толкаю его в грудь и он делает шаг назад.

– Да успокойся малыш, я ж ничего тебе не делаю. – поднимает руки ладонями вверх.

– Какой к черту малыш? Свали уже! – беру со стеллажа первое, что попадается под руку, и со всей силы швыряю в мажора. Оказалась открытая упаковка с молотым кофе.

– Остынь психованная! – недовольно отряхивает свои плечи. – Тебя что бешеная собака вчера укусила?!

Я врываюсь в его фразу почти в истерике:

– Да! Да, укусила!

– *банутая, – бросает мне Власов уже на выходе, и хлопает дверью, исчезая за ней.

Остаюсь одна дышу резко, будто после забега. Горячо в груди, но холод по коже. Смотрю на разбросанный по полу кофе. На свои ладони. На дверь. Хочется закричать. Вцепиться во что-то. Исчезнуть.

– Блиииин! Вот же блин! – пинаю ногой полупустую пачку с кофе, которая валялась на полу. Та отлетает в стену, рассыпаясь окончательно. Опускаю голову, упираюсь лбом в холодный металл стеллажа. Грудь сжимает, будто кто-то вцепился в нее изнутри. Воздух режет горло, и я, наконец, позволяю себе – не контролировать, не держаться, не казаться сильной. Просто реву. Хрипло, неуклюже, по-настоящему. Эти слезы – не о Рое. Не совсем. Не только. Олег. Вот кто распотрошил меня изнутри. А ведь он был совсем другой.

Когда впервые появился в кофейне, я его сразу заметила. Высокий, уверенный, с той самой ленивой полуулыбкой, которая будто говорит: "я знаю, что тебе понравлюсь". Сначала он будто и не смотрел на меня. И это бесило. А потом... потом он начал приходить каждый вечер. Вроде случайно. Вроде просто кофе взять. И потом однажды он дождался, пока я смену закрою, и предложил проводить. Слегка так, будто между делом.

А я – дура – сияла.

С того вечера всё закрутилось. Каждый день он был рядом. Провожал, смеялся, обнимал. Целовал так, будто знал, как я хочу, чтобы меня целовали. Жадно, горячо, с таким напором, что у меня ноги подкашивались. Он знал, как сводить с ума. И я летела. Без тормозов, с закрытыми глазами. А потом... словно выключатель щёлкнули. Всё стало по-другому. Взгляд – холоднее. Руки – реже. Слова – колючие. "Что ты за бредовую юбку надела?", "Опять болтаешь с этим придурком админом", "Ты специально привлекаешь внимание?"

Каждый день – что-то не так. И я... я ведь старалась. Честно. Менялась. Подстраивалась. Выламывала себя, чтобы соответствовать его ожиданиям, даже когда не понимала, в чем провинилась.

Подруга мне говорила: "Свали от него, пока не поздно". Маме тоже он не нравился. Даже Сеня, владелец кофейни, с которым мы в очень дружеских отношениях: "Ты выбираешь не тех парней, малявка". А я... я твердила одно и то же:

– Вы просто не знаете его настоящего.

А я все-таки теперь знаю. Знаю до костей. До самых уязвимых, обнажённых нервов. Новая волна слёз накрывает, как шторм. И я уже не пытаюсь сдержаться. Пусть. Пусть катится всё к чёрту.

И Рой этот покопался! Но теперь точно не подойдет. Увидел весь этот цирк, с кофе, с истерикой. Момент, когда я окончательно развалилась. И слава богу.

Последняя мысль вырывает у меня судорожный смешок. Сквозь слёзы губы дрожат, едва-едва поднимаются в уголках. Такой жалкий, кривой оскал вместо улыбки. Но это хоть что-то. Хоть капля злой иронии в этом мокром кошмаре.

И, вдруг, понимаю – это не дно. Это старт. Только бы отдышаться. И все будет хорошо.

Глава 11

Ева

Отпираю дверь квартиры, поворачиваю ключ – и ещё не успеваю шагнуть внутрь, как слышу жалобное, протяжное «мяу». Такое, будто меня не было целую вечность.

– Моя ты лапа... – шепчу, улыбаясь сквозь усталость, и сбрасываю обувь прямо в коридоре. Сумку на стул, и сразу в ванную, где, как и я, мама безжалостно заперла Рыжика. Ну ничего, завтра сразу после пар поеду и куплю все что нужно крохе, начнем приучаться к лотку.

– Ну да, да, я опоздала. Прости, мой хороший, – говорю и беру его на руки, прижимая к груди. Его шерсть мягкая, чуть колючая от сухого воздуха.

Урчит, как маленький двигатель, утыкаясь носом мне в шею, а я на миг замираю – просто стою с ним вот так, посреди ванной, будто он единственный, кто по-настоящему ждал. Кто не предаст, не скажет гадость и не сбежит, когда мне хуже всего.

– Ты ждал, да? А я тебя бросила тут, голодного... сейчас всё будет.

– Ты ждал, да? А я тебя бросила тут, голодного... сейчас всё будет, – шепчу с теплом, осторожно ставя Рыжика на пол.

Он почти сразу делает пару шустрых шагов вперёд, но тут же возвращается, обернувшись, будто проверяет, иду ли я за ним. Его рыжая шёрстка слегка топорщится, уши насторожены – как маленький охранник, который заодно и голоден, и волнуется.

На кухне достаю маленькую фарфоровую миску с нарисованной рыбкой на дне, насыпаю хрустящий корм, наливаю воды – немного, чтобы не расплескать. Рыжик, едва дождавшись, зарывается мордочкой в еду. Тихо урчит от удовольствия, и звук этот – как музыка. Такая домашняя, теплая, простая. Он ест смешно – с полной самоотдачей, будто миска с кормом – это его личная миссия на сегодня.

Сажусь рядом на табурет, поджав ноги, обняв себя за колени. И смотрю на него, как он ест. Его хвост иногда подергивается, усы шевелятся, он сосредоточен на своём ужине так, как будто больше в этом мире ничего не существует. Мир сужается до теплой кухни, до этого комочка рыжего счастья, и на несколько мгновений становится легче дышать.

И вдруг вспоминаю. С той ясностью, что пробирает до мурашек.

Шум, лай, я кричу, зажимаю Рыжика в куртке, прижимаю к себе. И затем Рой – появляется откуда-то из ниоткуда. Мотор мотоцикла – низкий, мощный рёв. Шум в ушах от собственного крика. Рывок – и я уже прижимаюсь к нему. Даже сейчас как будто почувствовала тот же легкий аромат бергамота. Чистый, терпкий, как весна после дождя.

Да блин! Какого лешего он снова врывается в мои мысли, пока я просто люблюсь своим Рыжиком. Маленький комочек счастья уже закончил кушать, теперь сидит возле миски, чинно вылизывает лапку, а потом аккуратно трёт носик, шурясь от удовольствия. Я улыбаюсь. Этот маленький пушистый дурёныш будто шов на ране, временное облегчение от всего того, что происходит в моей голове. Встаю с табурета, вытягиваюсь, хрустя спиной, и тру виски ладонями, будто пытаюсь физически выжать из себя все эти ненужные мысли.

– Всё, хватит, – бормочу себе. – Стоп.

Отгоняю их, встряхиваю головой, будто вода в ушах. Как сон. Ошибочный. Ненужный. Просто устала. Просто нервы.

Но всё напрасно. Он – снова тут. Власов. Перед глазами – весь усыпанный кофе, с удивленно-гневым выражением лица. Его чёрная футболка испачкана, густые волосы чуть растрёпаны. Я тогда даже не обратила внимания, как напряглись его скулы, когда я в него запустила пачкой кофе. И как он всё это терпел, хотя мог вспылить и сорваться в ответ.

Сердце делает глупый скачок, будто хочу оправдаться. Что за фигня?

«Капец», – шепчу себе под нос. – «Он точно подумал, что я чокнутая».

И тут стыд медленно подбирается изнутри, лезет по горлу, щиплет изнутри глаза. Представляю, как это выглядело со стороны – девчонка с красными глазами, сорвавшаяся на крик, швыряющаяся пачками кофе. Да, выглядело... не лучшим образом. Особенно перед тем, кто... кто так внезапно влез в мою жизнь.

Но прежде чем я успеваю окончательно погрузиться в неловкие переживания, новым воспоминанием нахлынуло сообщение от Олега. Мгновенно сжимается в солнечном сплетении – ощущение, будто кто-то кулаком ударил. А потом по телу проходит горячая волна, как ток, жгущая, мерзкая.

Его голос в голове: «... хочу быть уверен, что он мой...»

Кулаки сжимаются сами собой.

Пожалуйста, кто-нибудь, остановите эту безжалостную мясорубку мыслей. Этот поток бреда, боли и обиды. Почему это всё не заканчивается?

Смотрю на Рыжика. Он уже устроился клубочком на табурете, где я только что сидела. И как будто почувствовал, что я смотрю на него, приоткрывает один глаз и тянется ко мне лапкой.

– Всё, малыш, спать. Мы с тобой оба устали. – Поднимаю его на руки, прижимаю к груди.

Его тёплое тельце, тихое урчание – как маленький моторчик спокойствия. Такой родной, доверчивый. Беру Рыжика с собой – сегодня он точно будет спать со мной. Мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Кто-то, кто просто дышит и не разбивает тебе сердце.

Глава 12

Ева

– Ева, просыпайся... Ева, солнце моё... – доносится знакомый мамин голос где-то совсем рядом, слишком ласковый для шести утра.

Я не открываю глаз, просто ворочаюсь и натягиваю одеяло выше, к носу. Рыжик, свернувшийся клубком у меня в ногах, тихонько фыркает. Он-то, в отличие от меня, не собирается вставать.

– Ма-аам... ну чего ты... – голос у меня хриплый, сонный. Потягиваюсь, зеваю и с трудом выдавливаю: – Всё хорошо. Я сейчас сама встану. Будильник вот-вот зазвенит. Честно.

Но в ответ – не будильник, а мягкий, но настойчивый жест. Мама стягивает с меня одеяло и, не переставая, говорит:

– Да не рано это, Ев. Ты, вообще-то, уже должна быть на ногах. Я просто с ночной только пришла, на работе задержалась. И если ты в универ – тебе давно пора. Смотри в окно, уже солнце на полквартиры.

Я, наконец, приоткрываю один глаз. Потом второй. Утро. Яркое, слишком яркое для "ещё рано".

– Подожди... – сажусь на кровати, оглядываюсь. – Чего? Сколько времени?..

И тут понимаю. Ни звука. Ни вибрации. Телефон – мёртвая тишина.

На тумбочке его нет, нахожу его в складках одеяла. Хватаю его – экран чёрный. Нажимаю кнопку – ничего. Пусто.

– Нет-нет-нет... только не это... – шепчу, в панике вставая с кровати. – Мам, я проспала! У меня первая пара! Ох чёрт, я проспала...

– Спокойно, ты дыши сначала, а потом паникуй, – мама всё также спокойно говорит присаживаясь на край кровати. Улыбается, но с участием, не издевается. – Что с телефоном?

– Вырубился. Наверное, сдох ночью. – Хватаю зарядку и подключаю, молюсь, чтобы он хоть немного ожил. – Я же вчера просто... Олега убирала... – вздыхаю и сажусь обратно на кровать, вспоминая.

Наверное, так и уснула. Прямо с телефоном в руке. Как только пристроила Рыжика и вымыла лицо, села в кровати с телефоном в руках. Устала до невозможности, но сна – ни в одном глазу. Удаляла фото. Все. С Олегом. И каждое касание экрана – как ножом по сердцу. Но надо. Надо вычистить. А потом мысли снова повалили, как лавина – обо всём, обо всех, обо мне самой. Включила сериал, чтобы отвлечься. Просто посмотреть, расслабиться. – Мам, ты не представляешь... – бурчу, вцепившись в одеяло, – я ведь реально пыталась лечь пораньше... ну, почти. Просто мозг мой решил устроить кинотеатр до утра наверное.

– Представляю, – мама садится рядом, берёт меня за плечи и обнимает. Её волосы пахнут чем-то свежим, аптечным и кофе. – Я вообще-то тоже когда-то была в твоём возрасте. И тоже не спала ночами из-за... – И замолкает на секунду. Наверное хотела сказать "из-за твоего отца, который просто исчез бесследно, когда узнал, что скоро станет папой". Но лишь поджимает губы. И переводит тему. – А что там с Олегом? Куда ты его убирала?

– Ой! Куда подальше... Я потом все расскажу.

Морщусь и снова смотрю на телефон. Он наконец включается, экран яркий и... приветливо-пустой. Ни будильника, ни заряда. Ноль процентов. Великолечно.

Мама встаёт и кидает через плечо:

– Давай, моя звёздочка, собирайся. Я тебе сделаю кофе в дорогу, ладно?

– Нет, мам, не надо кофе! Я уже бегу! – выкрикиваю, почти срывая голос, и вскакиваю с кровати как ошпаренная. Отвлеклась на разговор с мамой, как будто и не спешу никуда.

Мама из кухни в ответ только смеётся:

– А говоришь – не проснулась...

В панике хватаю джинсы с кресла, натягиваю их на ходу, одной рукой записывая ногу, второй – пытаюсь расчесать волосы пальцами. Умываться – экспресс-режим: холодная вода по лицу, зубная щётка – в темпе марафона. Рыжик сидит у двери и внимательно наблюдает, как я бегаю по комнате, сжимая в руках то зарядку, то наушники, то ключи.

Телефон за эти пару минут зарядился на целых четыре процента. Ну и ладно. Главное – жив. Кидаю его в сумку, даже не проверив, есть ли интернет. Разбираться буду потом, если препод вообще пустит.

– Где... где тетрадь?! – бурчу себе под нос, опрокидывая стопку книг на столе. – Вот она! Господи, спасибо...

Засовываю всё в сумку, хватаю ветровку, обувь – на ходу. Один кроссовок завязываю уже на площадке. Адреналин в крови подскакивает, как на американских горках. Лечу по лестнице, обгоняя соседку с третьего.

На улице прохладно хоть и довольно солнечно для семи тридцати. В голове только одно: не опоздать.

У нас сейчас "История правовых систем экономики". Предмет как предмет, не самый сложный, не самый нужный. Но препод – Буркан. Его так все и зовут, потому что бурчит постоянно. Ну и фамилия-то вроде как Бурканов, но после его фразы: "Опоздавшие проходят только по билетам в музей, а не в мой кабинет!" – прозвище прилипло намертво.

Он, кстати, и сам похож на музейного экспоната – строгий, хмурый, в твидовом пиджаке и с безгловым выражением лица, как будто он каждый день нюхает что-то испорченное.

А я лечу, как пуля, потому что знаю: опоздаю хоть на минуту – считай, зря проснулась. Универ уже в поле зрения, синие окна блестят в утреннем солнце. Толпа студентов у ворот, кто-то с кофе, кто-то с глазами-щёлками, кто-то в наушниках.

И я уже почти готовая плыть с толпой по течению, уже почти выдыхаю...

Как вдруг замираю.

У ворот, облокотившись на столб, в своей синей толстовке, с тем самым взглядом из разряда "мы ещё не договорили", стоит Олег.

Телефон в моей сумке пиликает напоминая что уже умирает ... снова... Но громче него стучит мое сердце, которое только что било тревогу по поводу лекции, вдруг сбивается с ритма по совсем другой причине.

Глава 13

Ева

Подтягиваю рюкзак на плече повыше, опускаю голову, стараюсь влиться в поток студентов – незаметно, как капля в реке. Делаю вид, что не замечаю своего парня. Просто смотрю мимо, будто его и нет. Олег – всего лишь силуэт на фоне университетских ворот, фигура из прошлого, которого не должно быть в настоящем. Блин. Бывший парень. Да, надо бы уже привыкнуть к этому слову.

– Ева, стой! Но голос всё равно догоняет:

Разворачиваюсь резко. Стою, скрестив руки на груди, словно ставлю между нами невидимую стену. Олег приближается, чуть склонив голову, как будто не понимает, в чём проблема. Улыбка скользкая, дерзкая. Он в своем синем батнике. На скулах играет лёгкая тень от щетины, которая меня всегда бесила, а сейчас все равно побрился он или нет. Замираю. Не потому что хочу. Потому что он слишком громко. Потому что слишком уверенно идёт следом, и понимаю – не отстанет.

– Ты чего? Игноришь меня, что ли? – его голос звучит чуть громче, чем нужно. Останавливается в шаге от меня – Моё сообщение прослушала, но ничего так и не ответила.

Затем вдруг делает шаг ближе и, словно ничего не было, тянется ко мне. Хочет ухватить за талию, как раньше – привычным движением, уверенно, как будто моё тело – его территория. Я отшатываюсь. Отступаю назад на шаг. Его рука висит в воздухе. Молчу. Просто смотрю в сторону, куда-то мимо него. Он ждёт. Смотрит на меня, нагло, будто это я ему что-то должна.

– Непонял? – Хмурится.

– Это я не поняла, что ты вообще здесь делаешь? – громко выкрикиваю.

Олег мотает головой с недоверчивым смешком. Улыбка скатывается в раздражение.

– Я хочу этого ребёнка. – МалАя, вот ты меня сейчас реально бесишь. – Его голос хрипит, челюсть чуть сжимается. – Ты ж прослушала сообщение. Я... Он делает паузу, будто думает, что сейчас прозвучит что-то великое.

От этих слов меня передергивает. Как будто кто-то вылил ведро льда под кожу. На секунду даже дыхание сбивается. Если бы это было первое, что услышала в ответ на “я жду от тебя ребенка”, тогда была бы самой счастливой. Но сейчас меня тошнит от них. Тем более, что ребенка никакого нет.

– Мне плевать, что ты хочешь! – выпаливает голос раньше меня самой. – Держись от меня подальше. Видеть тебя больше не хочу.

Он замолкает. Моргает. И, кажется, впервые за всё это время по-настоящему не понимает, что делать дальше.

– Детка, это наверное гормоны. давай перестань ломаться, и поехали к маме моей. Ты своей кстати уже сказала про бэбика?

– Олег ты больной? Какой бэбик? У тебя что со слухом проблемы? Так я повторю громче. Держись от меня подальше. Видеть тебя больше не хочу.

Некоторые студенты проходя мимо поглядывают в мою сторону. Наверное вышло слишком громко. В глазах бывшего удивление. Явно не ожидал таких слов от меня. Но это всего не секунду. В следующую его глаза вспыхивают от злости. Он резко делает шаг ко мне и хватается меня под локоть.

– Слышь, ты это сейчас так пошутила? Не надо со мной так девочка? Я тебе не сопливый пацан, который будет играть с тобой в кошки мышки. Еще вчера ты плакала в трубку, что любишь...

– Плакала! Дурой была! – срываюсь. – Но, слава богу, теперь хоть знаю твоё истинное лицо!

Резко вырываю руку и толкаю его в грудь. Он отшатывается на шаг, но быстро выпрямляется. Отворачиваюсь от него, резко, будто смахиваю его присутствие с плеч. И просто иду прочь, не оборачиваясь, с каждым шагом будто сбрасывая с себя его хватку, его запах, его голос.

Но не успеваю пройти и нескольких шагов, Олег обходит меня и становится прямо передо мной. Высокий, с мрачным выражением на лице, расправив плечи, как перед дракой. Толпа студентов вокруг мелькает, кто-то идёт, кто-то смеётся неподалёку, но всё будто в тумане. Этот момент – как в капсуле. Только он и я.

– С хера ты решила, что можешь так со мной поступать? – процедил сквозь зубы. Его взгляд скользит по моему лицу, с нажимом, с большой ревностью. – Или ты залетела от другого, и вот он – объявился, папаша, да? Переключилась на него?

Он делает шаг ближе, а я отступаю, чувствуя, как дрожь поднимается от пяток.

– Уйди с дороги, придурок! – рычу, пытаюсь пройти мимо, но не тут-то было.

Его рука резко вцепляется в моё запястье, как клещи. Он дёргает меня на себя, заглядывает в глаза. Затем просто идет и тянет меня за собой. Я спотыкаюсь, едва не теряя равновесие. Тротуар под ногами плывёт. Этот мудака идет слишком быстро.

– Сейчас я покажу тебе своё истинное лицо! – сквозь зубы цедит он.

– Отпусти меня, Олег! – пытаюсь освободиться, дергаю рукой, но он только сжимает сильнее. – Куда ты меня тащишь?!

Он молчит. Тащит меня за собой по тротуару, в противоположную от универа сторону. Кто-то из студентов оборачивается, кто-то просто бросает мимолётный взгляд, но никто не вмешивается. Как будто мы – всего лишь очередная парочка в ссоре.

Упираюсь, бью изо всех сил ладошкой по его плечу.

– Слышишь?! Я не хочу никуда идти с тобой! – кричу ему, но он даже не реагирует. Только сжимает руку крепче.

Мне страшно. Не из-за того, куда он меня тащит. А потому что я впервые увидела в его глазах что-то, что уже не похоже на любовь. Даже не на обиду. А на холодную, ядовитую жажду контроля.

Неожиданно за спиной раздаётся рев мотора – глухой, рвущий пространство, будто гроза срывается прямо на городскую улицу. Я оборачиваюсь на звук, и сердце делает кульбит. В нашу сторону несется мотоцикл, стремительно приближаясь по тротуару. Блики солнца отражаются на красном глянце бака, шлем блестит, как отполированная броня. Тот же байк. Тот же байкер.

Резкое торможение – резина визжит по асфальту, байк останавливается в каких-то сантиметрах от меня. Олег инстинктивно отшатывается, а я застываю, будто мир замер на грани.

– Лапы убрал, дебил! – разносится голос Власова.

Олег вздрагивает. Его рука чуть ослабевает. Я чувствую это – наконец-то! – и резко дёргаюсь, и вырываю запястье. Больно, на коже уже проступает алый след от его пальцев. Сердце долбит в висках. И я рада что избавилась от хватки мудака.

Олег смотрит то на меня, то на мотоцикл, растерянно, как будто пытается просчитать следующий ход, но не успевает.

А Рой протягивает мне руку :

– Запрыгивай!

Глава 14

Рой

Стою, перекинув ногу через байк, вторую вытянул вперед упираясь. В руке баночка с колой. Кирюха рядом чешет про вчерашнюю тусу у Савы, как всегда перескакивая с темы на тему – кто нажрался, кто спал с кем, кто потерял цепь за полтинник кусков. Я краем глаза слежу за воротами универа – Мелкая сказала, что у ворот встретимся, ей «кое-что обсудить надо». Обычно, когда она так говорит, это значит, что я кого-то должен морально размазать или физически припугнуть.

– Я – нормально. Она – как потерянная. Думал нах*я детка. Короче толку с нее вообще не было. Проспала как убитая. Лезла утром ко мне со своей лаской, мол компенсировать вчерашнее. Еле выпроводил. Иди ты на хер с таким перегаром! – ...короче, она сидит на кухне в моей майке и с полотенцем на бошке, и такая, типа: «Кирюшечка, ты реально думаешь, что любовь существует?» – Кирилл изображает надрывным голосом, и я усмехаюсь. – Сколько вы выпили?

Мельком замечаю знакомый силуэт недалеко от нас, отворачиваюсь от трёпа. Моя Бесстрашная. Топают по тротуару целеустремлённо, как будто следует маршруту джипиэс, проложенного у нее в голове. Джинсы – широкие, белые кроссы аккуратные, как будто с витрины, ветровка хаки – простая, но сидит на ней идеально. Лицо нахмуренное, губы поджаты, взгляд – вперёд, сквозь всех и всё. Как штурмовик на миссии. Готова снести всех на своем пути.

– Ты слушаешь вообще? – Кирюха тыкает меня локтем.

– Угу, – отзываюсь, не глядя. – Баба с юрфака, у тебя дома... всё понятно. – говорю не вникая, чтобы что-то ляпнуть.

Замечаю какого-то мутного хмыря, который пересекает путь героине Марвела. С виду лет на семь старше. Щеголь в темном батнике, с наглой рожей. Разговаривают. Ну как – он говорит, она, судя по мимике, отрастила иголки и готова засадить ему под кожу. Мне даже становится интересно – она, походку, любого может довести. Не только меня.

– Ты где залип? – спрашивает друг, проследив за моим взглядом. – Это кто возле нашей Евы?

– Без понятия. – бросаю я не сводя с них глаз. – Стоп! Нашей? С хера ли. – резко смотрю на друга.

– Ну рано или поздно станет! – ржет Кирилл. – Что думаешь я с ней не справлюсь? Ого, это куда он ее так потащил?!

Перевожу снова взгляд на Еву. Мудак крепко держит ее за запястье и тащит по тротуару. Судя по тому как она упирается, это явно не входит в ее планы.

Дальше не думаю.

– Киря, держи, – кидаю баночку прямо в его руки и завожу байк.

Мотор рывкает, как бешеный пёс, и я почти лечу по тротуару. Люди оборачиваются, кто-то в панике отпрыгивает в сторону. Останавливаюсь вовремя, в паре сантиметров от Бесстрашной, даже не шелохнулась. Говорю же, Марвел отдыхает. А вот Мудак зассал.

– Лапы убрал, дебил! – почти рычу.

Он реально не ожидал. На секунду застывает. Ева пользуется моментом и выдёргивает руку. Быстро. Резко. Как будто давно хотела. Переводит взгляд на меня. Я просто протягиваю ей ладонь:

– Запрыгивай.

Хрен знает, сядет или нет. Если оттолкнет, оставлю к чертям с этим долбо*бом. Она мнетя пару секунд но мгновение спустя, прижимается к моей спине. Вывожу байк на асфальт и газую.

Мы срываемся с места, ветер сразу бьёт в лицо. Шлем остался в багажнике. Ну и хрен с ним. Город срывается в размазанный калейдоскоп – серый асфальт, вывески, проносящиеся мимо прохожие. Байк ревёт как довольный зверь, и мне нравится. Как и нравится то, что Ева вцепилась мне в куртку. Прибавляю скорости, она прижимается к спине сильней, как будто я последний островок в этом е*учем мире. Не визжит, не паникует – держится. Так, как надо.

Улыбаюсь сам себе. Вот и всё, милая. Она думала, что может диктовать условия? Ну-ну. Такие, как она, просто ломаются чуть дольше. Понтуются, делают вид, что неприступные. А потом... всё по классике. Все они одинаковые. Только фасад разный.

Молчит за спиной. Головой будто уткнулась в лопатки. Доверяет? Или просто боится упасть? Чувствую, как прижимается ближе, будто не по своей воле – но какая, к чёрту, разница? Главное, что прижимается. Не спорит. Не язвит. Мчимся по городу, улицы сливаются в одну размытую линию. Куда едем – без понятия.

Резко сворачиваю вправо, влетаю во дворик у какого-то брошенного ТЦ. Цемент, граффити, пара дохлых деревьев и никого. Ставлю байк между колонн, глушу. Телефон в кармане оживает, вибрация такая, что аж по ребру отдаёт. Не один раз – целая серия. – Да бля... – рык сквозь зубы.

– А жаль, – усмехаюсь. – Вроде начала проникаться. – Слазь, – говорю, оборачиваясь. – Или ты собиралась там и дальше устраиваться? – Расслабься, уткнуться в тебя не входило в мои планы, – бурчит, спрыгивая. Пальцы распутывают волосы, разметавшиеся от ветра.

Она вскидывает брови, рот в полуулыбке, и уже готова огрызнуться, но телефон вибрирует ещё раз. Сестра.

– Прости сестренка, тут просто миссия срочна нарисовалась!

Как будто вот-вот спросит: «Ты вообще кто такой, чтобы меня спасти, а?» Пока слушаю от комплименты от малой, «какой я всё-таки гавнюк и не дождался ее», пока слушаю, что она орёт в ухо, смотрю на Еву. Та стоит, руки в карманах, ноги на ширине плеч, смотрит на меня снизу вверх – не испуганная, не благодарная, не влюблённая. Просто злая и дерзкая.

С ней скучно точно не будет. И вот это... вот это мне нравится ещё больше. Не размазня. Не кукла.

Успокаиваю сестру, обязательно разберусь с ее проблемой. Мою карамельку никто не смеет обижать. Любого порву! Кладу трубку, достаю из багажника шлем и протягиваю Бесстрашной.

– Ну что катим дальше?

Глава 15

Ева

Смотрю на протянутый мне шлем. Ловлю своё отражение в зеркальной поверхности – волосы в беспорядке, растрепанные во все стороны. Блин. Что я вообще творю?! Сажусь на байк к Рою, словно у меня выбора не было. Хотя... если быть честной – просто из двух зол пришлось выбрать того, кто хотя бы не тащит за руку, как пещерный дикарь.

– Эй, Бесстрашная, чего зависла? Или размышляешь, чем бы в меня попустить? – усмеяется Рой, играя ключами от байка и качая бровью. – Так что там, катим – нет?

– Не катим! – говорю резко. И сразу же поправляю, чтобы он не подумал, будто испугалась: – Вернее, катим... обратно. В универ. Вскидываю голову.

– Ты серьёзно? Реально выберешь скучные пары вместо того, чтобы кайфануть со мной? Он ухмыляется шире.

И тут же перестаёт ухмыляться. Лицо становится сосредоточенным, почти серьёзным. Прищуривает глаза – неторопливо, как будто смакует момент. И смотрит. Не моргает. Глубоко, прямо, нагло. В этом взгляде нет обычной наглости парня, который пытается впечатлить. В нём что-то другое – как будто он уже всё знает про меня. Как будто уже решил, кем я стану в его жизни.

В груди что-то ёкает. Блин. Почему вдруг становится так жарко, хотя весенний ветер всё ещё прохладный? Заставляю себя не опустить взгляд, не дёрнуться, не выдать ни капли волнения. Но челюсть непроизвольно сжимается, пальцы вцепляются в ткань рукавов куртки.

Рой продолжает смотреть – молча, намеренно, с той самой самоуверенностью, которая выводит меня из себя. Ни капли стеснения. Ни намёка на уважение. Только это тихое, мужское "я всё про тебя понял".

Будто если продержит взгляд ещё пару секунд, то я размякну, прижмусь к нему, начну пускать слюни и просить его показать мне "настоящую жизнь". Размечтался! Я не из тех, кто падает к ногам после пары фраз и байка под задницей.

– Ты отвезёшь меня туда, откуда забрал, или мне самой возвращаться?

– Обратно к тому мудаку? – Рой хмурится. – Сама добирайся тогда.

Ставит шлем на голову, резко и без суеты, будто вопрос уже решён. Затем легко перекидывает ногу через байк, оседлав его с той же наглой самоуверенностью. Щёлкает зажиганием. Мотор оживает низким, ритмичным урчанием.

Я в ступоре. Серьёзно? Он уедет? Вот так просто?

Бросает в мою сторону взгляд – мимолётный, холодный – и словно проверяет: сдамся или нет.

Ну и пошёл ты к лешему.

– Отлично! Сама доберусь! – огрызаюсь, разворачиваясь и уду по тротуару.

Слышу, затихает мотор.

– Да стой ты, Господи! – кричит мне в спину, но я не оборачиваюсь. Не хочу видеть эту самодовольную рожу. Приближающиеся шаги за спиной. Я ускоряюсь. Ну и зачем я только залезла к нему на байк? От олега легче бы было избавиться... Наверное...

– Ты шутки вообще не понимаешь? – он уже совсем рядом.

Охотно бы объяснила, что у это него с «шутками» беда, но смысла нет. Глотаю слова и молча упрямо продолжаю идти. Он не сдаётся. Обгоняет меня, встаёт прямо перед носом, заставляя остановиться.

– Ева, да что с тобой? – спрашивает он, всматриваясь в меня, будто мы с ним заодно. – Ты чего такая колючка? Я тебя уже второй раз спасаю, а ты ведёшь себя так, будто тебя надо от меня спасать.

Он говорит спокойно, но голос чуть срывается – то ли от обиды, то ли от того, что его это только что кто-то поцарапал. Наверное, я. Приятно.

– Слушай, как тебя там... Рой... – начинаю с холодной вежливостью, как будто разговариваю с банковским консультантом, который слишком увлёкся "предложениями для премиум-клиентов".

– Вообще-то, меня Ромой зовут, – вставляет он с лукавой ухмылкой. – Рой я только для своих. Но для тебя я могу быть Роем. Если захочешь...

Какая самоуверенная скотина. Улыбается, как будто только что сделал мне предложение руки, сердца и райдера к нему в придачу.

– Я ничего не хочу. И не захочу, – грубо отвечаю. – Не знаю, к чему ты там привык, но я не собираюсь вешаться тебе на шею за то, что ты мне помог. Единственное, что я могу, это сказать: "спасибо". Искреннее "спасибо". И на этом всё. Отстань уже от меня!

Не жду его ответа. Просто обхожу, чуть задев плечом. Гордо поднимаю голову, будто сама себе доказываю, что не дрожу внутри. Хотя сердце всё равно стучит, как бешеное.

Глазами выискиваю остановку. Где она, чёрт побери?.. Надо просто сесть в первый попавшийся автобус и забыть этого типа как страшный сон. Он не стоит ни моего времени, ни нервов.

– Да больно нужна ты мне! – догоняет его голос. Слышу, как он разозлён, но больше обижен. Гордость царапнула, ага. Приятно ещё раз.

И тут же – рёв мотора. Резкий, дерзкий. Байк вылетает из-за спины с оглушительным звуком. Он проносится мимо меня, почти задевая, и исчезает в потоке машин, оставляя после себя только запах бензина и... какую-то глупую, злую пустоту.

Остаюсь на тротуаре – с взъерошенными мыслями и гордостью, которую едва удержала в целостности. Шумный город продолжает жить своей жизнью. А я – иду дальше. Не оборачиваясь.

Глава 16

Ева

На пары я так и не попала. И если честно – не хотела. Поначалу я ещё пыталась – топала в сторону универа, уговаривала себя, что надо, что не стоит портить себе день из-за очередного придурка на байке и бывшего, который решил, что имеет право хватать меня за руку на улице. Но чем ближе я подходила к корпусу, тем сильнее внутри всё сжималось. Как будто воздух становится гуще, а каждый шаг – через бетон.

Универ вырастает передо мной как гигантская бетонная глыба, и всё внутри противится: не хочу туда. Не хочу ни лиц, ни конспектов, ни этих наигранных «привет-привет», от которых тошнит сильнее, чем от кофе на голодный желудок. А главное – не хочу притворяться, будто всё нормально. Не сегодня. После всего, меня трясло от усталости. От людей. От всего. Хотелось просто сбежать. И я сбежала – в единственное место, где всё ещё чувствую себя собой.

Еду домой, и иду к дому на соседней улице. Поднимаюсь по лестнице на самый верх, потом через хлипкую дверь – на крышу. Это старый многоэтажный дом, где никто не живет. Мы с Симой, нашли его случайно, и никто кроме подруги не знает, что это место стало моим убежищем. Маленький мир, скрытый над городом. Здесь никого. Только я, легкий ветер, гул улиц внизу и тишина, такая вкусная, будто глоток ледяной воды в жару.

Сажусь на знакомое место – у стены с облупившейся штукатуркой, где на кирпичах уже остались следы от моих карандашей. Открываю свой блокнот, достаю карандаш. Всё как всегда. Простые линии. Никакой цели. Просто рука скользит по бумаге, пока мысли сбиваются в кучу и начинают утихать.

Я рисую, и в этот момент весь остальной мир словно выключается. Ни Роя, ни Олега, ни их голосов. Только шорох карандаша и лёгкое шевеление воздуха над крышей. Иногда я просто сижу и смотрю вдаль – на крыши других домов, антенны, голубей. На этом уровне всё кажется другим. Ниже бурлит чужая жизнь, а здесь – моя. Чистая, простая, тихая.

Время проходит незаметно, музыка льётся из наушников, заполняя всё внутри. Мягкий поп-рок – с теми самыми гитарными переборами, ритмом, что будто подстраивается под удары сердца. Мне хорошо. Спокойно. Я в этом пузыре – где только карандаш, бумага и музыка. Не помню, когда в последний раз так отключалась. Рисую машинально – тень, линия, штрих. Даже не особо слежу за тем, что получается. День ползёт мимо, как будто в обход меня. Пока вдруг не слышу глухой, раздражающий звук, напоминая, что мой телефон разряжен.

На экране мигает предупреждение, потом всё гаснет. Ни времени посмотреть, ни вообще что-то сделать. Просто прощай, связь с миром. – Ну офигенно, – ворчу себе под нос, выгаскивая его. Я то думала подзарядить его где-то в универе.

Смотрю на экран в руках. Чёрный. Мёртвый. Ладно. И фиг с ним.

Только теперь понимаю, как пусто в животе. Урчит так, что аж стыдно перед собой. Отлично. Не только не завтракала – уже, похоже, и обед давно пролетел. Пора возвращаться.

Тянусь к рюкзаку, чтобы убрать блокнот. Останавливаюсь, задерживаю взгляд на странице.

Глаза. Я нарисовала глаза. Ничего больше – только взгляд. И чем дольше смотрю на него, тем сильнее во мне расплывается это чувство... странного узнавания. Этот взгляд... Словно на меня смотрит Рой. Проклятый Рой. Такой же пронзительный, будто насквозь видит. Такой же дерзкий, как сегодня утром, когда смотрел, будто я ему что-то должна. Будто я – его.

Моргаю, хмыкаю, вырывая себя из собственных мыслей:

– Что за бред, – фыркаю вслух. – Просто глаза. Просто рисунок. Как и все остальные в этом блокноте. Навянные фантазией и настроением

Надеюсь, что еще нет и двух, и я успею покушать перед тем как пойти на работу. Закрываю блокнот, пихаю в рюкзак. Поднимаюсь, скидываю волосы со лба. В лицо дует ветер. Чуть влажный, весенний. Вдыхаю глубже, как будто этот воздух сможет вычистить из головы всё лишнее. Иду вниз. Домой.

Квартира встречает теплом и запахом обжаривающегося лука. На кухне что-то шкворчит, в воздухе висит аромат пряностей и жареного перца. Телефон я сразу ставлю на зарядку, бросив его на полку в прихожей. Пыхтит бедняга, как будто сам устал от жизни.

– Мам, – зову, проходя в кухню. – Чё готовишь?

– Да так, хотела сделать пасту, но потом поняла, что лень. Так что у нас жаркое. Почти как бабушкино. – Мама поворачивается через плечо, подмигивает. На ней её любимая футболка с котом в очках и пучок на голове, как всегда, немного кривой.

Бросаю куртку в прихожей. Сажусь за стол, подтягиваю ногу под себя. Последнее время мы не так часто обедаем вместе. Вечно я на парах, потом в бегах, она – то работа, то усталость. А сейчас – вот оно. Просто тишина, запах еды и родной человек напротив.

– А ты, между прочим, выглядишь как человек, которого уже дважды прокатили по эмоциональным американским горкам. – Мама ставит тарелку передо мной и подсовывает ложку. – Что-то в универе? Или Олег?

Я опускаю взгляд в тарелку.

– Мы расстались, – говорю тихо. Потом быстро добавляю: – Просто расстались. Мам. Всё. Не спрашивай больше ничего. Ты была права, он... ну, не тот.

Мама приподнимает бровь, но, к счастью, без триумфа.

– Ладно-ладно. Я же не настаиваю. Просто рада, что ты сама это поняла. Своим темпом.

– Спасибо, – бурчу, ковыряя мясо.

– Он обидел тебя?

– Ну ма-аа-м. Без вопросов. Забыла? Ну... Он просто... оказался пустым. Я рядом с ним пустела. А это, кажется, самое худшее. – Пожимаю плечами.

Мы жуем в тишине. Домашняя еда всегда как терапия. Даже дышится легче. Мама бросает взгляд на меня, как будто чувствует, что я ещё что-то хочу сказать. А я почему-то сейчас решаюсь задать ей вопрос, который никогда не задавала, Ну разве что, когда было маленькой.

– Мам... – начинаю и вдруг понимаю, что сердце забилося быстрее. – А кто мой папа?

Мама замирает. Вилка останавливается на полпути ко рту. Несколько секунд она просто смотрит в тарелку, потом откладывает прибор и откидывается на спинку стула.

– Вот это ты внезапно.

– Просто... ты никогда не говоришь о нём. Вообще. – Говорю спокойно, без упрека. Мне действительно просто интересно. Просто важно.

– А как в детстве “просто космонавт” не прокатит? – с грустной улыбкой спрашивает мама. Я качаю головой, не сводя с нее взгляд.

Она молчит. Поправляет волосы, смотрит в окно, потом на меня.

– Не потому, что мне нечего сказать. Просто... я долго думала, как это подать так, чтобы ты не разочаровалась. Или наоборот, не строила иллюзий. Он не плохой. Просто... он наверное был не моим.

– Значит, у тебя не было любви?

– Была... Еще как была. Мы безумно любили друг друга. И конечно же Были гормоны. Много... – смеется, все также глядя в окно. – Мы были молоды, нам было по шестнадцать, лето, тусовки, пляжи, бунт против всего. И потом – бац. Две полоски. А он – в штаты. Учиться. Всё как по классике. Хотя когда я сказала ему, то очень сильно обрадовался. Сказал: женюсь. Но потом просто пропал.

Сижу, слушаю, и внутри странно тепло. Не потому, что история и милая, и грустная одновременно. А потому что она настоящая.

– Ты злилась на него?

– О, я была в ярости. Пришла к нему домой, барабанила в закрытую дверь, пока соседи не вышли. Сказали что они с семьей уехали. А потом... просто начала жить. С тобой.

Мама улыбается – устало, но мягко. Протягивает руку и треплет меня по макушке, как в детстве.

– Но ты моя главная победа, поняла?

– А я всё надеялась, что хотя бы папа – это от кого у меня брови такие угрюмые, – усмехаюсь. Мама хохочет. Настояще, громко, до слёз в глазах.

– Нет, это точно от меня, детка. Я тоже была угрюмой. До кофе.

Смеёмся. Едим дальше. И в этой кухонной тишине, в домашнем тепле с запахом жаркого, впервые за долгое время я чувствую себя... по-настоящему дома. По-настоящему хорошо.

Я настолько расслабилась, что снова чуть не опоздала. Но в этот раз на работу. Обуваю кроссовки и почты готова вылететь пулей, мама останавливает меня, протягиваю листик.

– Это его имя. И старый адрес.

Поднимаю на нее глаза. Но еще не решаюсь принять сложенный пополам лист.

– И ты не против? – осторожно спрашиваю я. Мне даже показалось, что в ее голосе обида.

– Нет конечно. Если ты считаешь что тебе это нужно, то, пожалуйста. Но не уверена, что тебе это хоть чем-то поможет. – Снова протягивает мне.

Я беру его и молча прячу в карман.

– Спасибо мамочка, – обнимаю ее с улыбкой. Но внутри такое странно чувство. Как будто я ее обидела.

Глава 17

Ева

Людей в кафе сегодня немного, и это прям праздник. В зале тихо, даже кофемашина как будто шепчет, а не шипит, как обычно. Свет мягкий, за окнами лениво струится последний день апреля, и если не считать, что я слегка зомби после всего, то всё терпимо.

Админа сегодня нет – простуда, или как он сказал по телефону, «мертвенно-больничное состояние». Так что мы вдвоём с Ниной, девушкой с кухни, которая почти не разговаривает, но круто жарит круассаны. Я сижу за стойкой, листаю бланки с поставками и изредка посматриваю на дверь, надеясь, что никаких шумных компаний не нагрянет.

Через двадцать минут на пороге появляется Симка. Конечно, яркая, как фломастер. Влетает с разлёту, как всегда, будто не идёт, а катится на скейтборде из эмоций.

– Ева Сергеевна! Выключенный телефон восемь часов подряд – это вообще как?! – с порога возмущается она, даже не здороваясь.

– Привет тебе тоже, – улыбаюсь, откладывая. – Я не специально. Сел. Я же тебе писала, когда он включился.

– Сел? Ты серьёзно? Я чуть инфаркт не схватила! А у меня, между прочим, СЕГОДНЯ БЫЛ ДЕНЬ такооооой!

– О-о, – хихикаю. – Ты вся светишься, и что-то мен кажется что у светила этого имя...

– Сева! – шепчет она торжественно, присаживаясь на барный стул. – Он подошёл! Сам. И сказал, что у меня «прикольный стиль».

– Ммм, – протягиваю, скрывая усмешку. – Ну... ты же реально в стиле «космическая мармеладка», так что он не соврал.

– Я в шоке была. А потом он пригласил меня сегодня в клуб. Не на свидание, типа просто с друзьями, но Ева! Это шанс. Это... первый шаг на Луну! – она смешно показывает пальцем вверх.

– Вау. Ну, звучит как сюжет дешёвой романтической комедии. Только не забудь, что у тебя завтра утренние пары.

– Да плевать! Я тебя звать пришла, вообще-то. Пошли со мной. Ну, пожаалуйста! – тянет «а» до потолка, складывает руки, будто молится.

– Не, Сим. Я пас. Реально устала. Как побитая лошадь.

– Та ну, ты всегда так! У тебя жизнь мимо проходит, а ты такая: «ой, я устала». Что ты вчера делала, а? Почему не отвечала, почему не пришла на пары? Мать моя канарейка! Я ж переживала. Уже думала, тебя похитили инопланетяне или ты уехала в лес жить среди енотов.

Я хмыкаю и отвожу взгляд к кофемашине. И принимаюсь за лате на кокосовом молоке. Не хочу врать, но и говорить правду – не вариант. Если расскажу, что меня снова спас Рой и мы катались по городу... А потом вообще покажу, что рисовала его глаза – Симка точно тапком меня прибьёт.

– Просто день не задался, – говорю уклончиво. – Реально не в форме была. Голова болела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.